

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.9

ИЗУЧЕНИЕ ОБРАЗА БУДУЩЕГО: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В.Н. Петрова (Томск)

Аннотация. Рассматриваются основные теоретические подходы к изучению образа возможного будущего, особенности формирования жизненных планов. Обсуждаются проблемы выработки современных методологических подходов к изучению данного феномена.

Ключевые слова: образ возможного будущего; жизненные планы; методологические проблемы исследования образа будущего.

Современная психология все более осознает необходимость признания реальностей, имеющих внепространственную и вневременную природу, а также целеполагающего начала в природе для объяснения феноменов свободы действия, жизненных поступков, самореализации.

Интерес к феномену образа будущего является ровесником самой психологии. В современной литературе предпринимаются попытки изучения процессов формирования образа возможного будущего с позиций различных подходов: феноменологического, психоаналитического, генетического, социокультурного, когнитивного и др. Каждый из подходов предлагает свои теоретические постулаты и методические процедуры, но ни один из них не дает возможности построения теории, адекватно отражающей богатство феноменологии образа будущего с учетом его специфики и сложности.

Выдвижение данной проблемы на передний план вызвано рядом причин: во-первых, внутренней логикой развития самой психологической теории; во-вторых, происходящим бурным ростом сферы практической психологической работы с личностью; в-третьих, как следствие, возникновением задачи осмысления подобной практики и отработки необходимых для ее успешной реализации теоретических и методологических средств.

Идея человека как автора самого себя имеет глубокие корни в философии и психологии. Еще в Древней Греции были введены понятия «макрокосм» для обозначения Вселенной и «микрокосм» для обозначения Человека, для выражения идеи аналогии человека и мира, отражения универсума в человека, сходства законов их существования – развития. Так, Сократ указывал на зависимость судьбы человека от активности и продуктивности его работы над собой [15, 16].

Самоценность каждой личности утверждалась в трудах И. Канта, который провозгласил ее приоритетность перед любым сообществом, невозможность принесения ее в жертву обществу ни при каких условиях. Сам человек и его история, согласно философии Ф. Гегеля, есть результат собственной деятельности на основе работы самосознания, которое он даже гипертрофировал, сводя

к нему всю сущность человека. Ф. Гегель высказал догадку о волевой самопроизводности человека в его преобразующей мир деятельности, о диалектической связи его внутреннего самоизменения с совершенствованием своей предметной деятельности. Право человека на авторство в самосозидании подчеркивал Ф. Ницше, который также провозгласил самоценность человека [21].

Н.А. Бердяев говорил о том, что человек не может быть самодостаточен, он есть существо, преодолевающее свою ограниченность, и его стоит рассматривать с позиции «философии ценностей» [6].

Развивая эту мысль, М. Мид утверждает, что не внешние цели порождают стимулы для поступков, их источник и сила находятся в жизненной энергии внутреннего духовного мира человека [30].

Современная экзистенциальная традиция утверждает телеономичность человека, устремленность в будущее как предпосылку, заданную от рождения интенцию.

Отсюда напрашивается вывод о том, что при изучении человека как открытой самоорганизующейся и саморазвивающейся системы одним из интересных направлений может стать и является рассмотрение его через системное психологическое осмысление особенностей построения образа возможного будущего как детерминанты совершения жизненных поступков в контексте человеческой жизни.

Однако до сих пор понятие образа будущего не вошло в основной тезаурус психологии, если не считать отдельных научных школ. Вместе с тем неуклонно растет интерес к нему и частота использования этого понятия в самых разных контекстах, в рамках самых разных теоретических и методологических подходов.

Образ будущего представляет собой модель, которая, будучи построена на основании субъективного опыта, в дальнейшем сама опосредует восприятие этого опыта (А.Н. Леонтьев). Аналогичной точки зрения придерживается Дж. Брунер с его представлением сознания в виде процесса верификации гипотез. Такой подход, на наш взгляд, позволяет преодолеть стимульно-реактивную схему человеческого поведения [17, 18].

На наш взгляд, именно через построение образа будущего, целеполагание, постановку различных задач и целей человек получает возможность не только творить мир, но и отыскивать смысл своего существования, воплощать его в жизни в процессе реализации сущностных сил.

Современные философы дают следующее определение категории «образ будущего»: это субъективное эмоционально-когнитивное образование, являющееся носителем индивидуального видения (в широком смысле) реальности, а следовательно, и взаимодействующее с ней. Таким образом, данная структура представляет собой нечто, опосредующее весь комплекс отношений субъекта с окружающим миром, вернее, с актуально значимой его частью.

Советская психология в качестве базисной признавала теорию отражения, которая постулировала: в любом психическом акте человек воспроизводит мир в образе. В целом в отечественной психологии традиционно в первую очередь интересовались не закономерностями формирования образа будущего и принципов его системной организации, а субъективными смыслами образа будущего и закономерностями его построения и функционирования в контексте деятельности субъекта.

К.Г. Юнг понимал процесс построения образа будущего как момент интуиции, «восприятие заключенных в ситуации возможностей». С точки зрения Ж. Пиаже, освоение отношений между реально существующим и потенциально возможным является самым важным свойством формально-операционального мышления. В этих же категориях происходит осмысление связанных с построением образа будущего проблем и на философском уровне. Так, О. Шпранглер, формулируя концепцию историчности, подчеркивает, что если душу назвать возможным, а мир действительным, то жизнь предстает гештальтом, в котором происходит осуществление возможного. К. Ясперс считал, что будущее не может быть исследовано, оно скрыто в прошлом и настоящем, мы видим и переосмысливаем его в реальных возможностях. При этом видение настоящего в такой же степени зависит от прошлого, как и от прогнозирования будущего [37, 38].

Рассматривая проблему образа будущего с точки зрения современной науки, следует говорить о двух главных подходах к анализу этого феномена – познавательном и экзистенциальном.

В психологии познания образ будущего связан со способностью к прогнозированию, и наиболее важными являются два аспекта проблемы. Во-первых, при исследовании образа будущего как психического процесса необходимо определить его соотношение с познанием, мышлением и знанием. В этом плане самое существенное для психологического анализа процесса построения образа будущего – установить, как организованы знания субъекта и мыслительные действия, порождающие данный феномен. Во-вторых, нужно выявить

структуру личностных отношений субъекта, влияющих на формирование образа будущего как компонента функционального механизма социального мышления.

Различные познавательные подходы к изучению образа будущего (семантический, лингвистический, коммуникативный и др.) внесли существенный вклад в раскрытие психологических механизмов этого феномена. Современные психологи немало знают об основных условиях возникновения, различных формах, в которых он (образ будущего) проявляется, свойствах личности, детерминирующих его специфику, и т.п. Однако сегодня любому вдумчивому исследователю уже ясно, что проблему образа будущего следует рассматривать не только как познавательную, но гораздо шире – как способ бытия человека в мире и понимания им этого мира. Такая методологическая концепция приобрела устойчивые очертания к концу XX в. В ее основание были положены размышления крупнейших мыслителей прошлого столетия – философов, психологов, социологов и др. В психологии эта позиция связана, прежде всего, с развитием экзистенциального подхода и формированием психологии человеческого бытия как относительно самостоятельной области психологической науки [34].

Идеи индивидуализации образа будущего, индивидуальной истории и биографии личности были выдвинуты еще Ш. Бюлер, которая была сторонницей принципа типизации и даже стандартизации возможного будущего, теории жизни, универсальной для всех людей (с теми или иными вариациями). Однако в ходе исследований жизненного пути Ш. Бюлер смогла структурировать только социологические (образование, профессия, карьера) и онтогенетические (детство, юность зрелость и т.д.) характеристики. Наложение же онтогенетической матрицы на социологическую приводит к малопродуктивным утверждениям, что один проходит определенный социальный этап в более раннем, другой – в более позднем возрасте. Не удалось раскрыть то, каковы личностные различия в способах формирования образов социальных структур, событий и т.д. [22].

Мы считаем, что это обусловлено тем, что связь между составляющими этой системы носит семантический характер, т.е. представляет конкретную систему значений и смыслов (в силу их соотносительности). Эти значения более ситуативны или более устойчивы в зависимости от кратковременного или постоянного характера деятельности. Таким образом, образ будущего – это функционально-динамическое качество личности, которое интегрирует и регулирует в динамике, в функционировании всю личностную структуру.

J.R. Nuttin рассматривает временную перспективу как иерархию целей личности. По мнению автора, это есть последовательность событий с определенными интервалами между ними, отраженная в восприятии, в сознании человека в некоторый конкретный момент времени. При этом временная перспектива, в отличие от про-

странственной, может быть представлена только ментально, в сознании человека. «Виртуальное» присутствие во внутреннем плане разноудаленных во времени объектов – целей создает временную перспективу, которая выступает, таким образом, как функция составляющих ее мотивационных объектов, которые определяют ее глубину, структуру, степень реальности, содержательные характеристики и т.п. [42].

Создатель эмоционально-когнитивной теории мысли и действия А. Bandura, разрабатывая проблему эффективности жизни и деятельности личности, выделяет в структуре самоэффективности ряд способностей, опирающихся на саморефлексивные процессы. Таковы способности присваивать себе, считать исходящими от себя успешные действия, формировать убеждения в собственной эффективности, удерживать позитивную самооценку. Интеграл этих способностей – «позитивную самоэффективную мысль» – он считает необходимым условием продуктивной активности человека на протяжении всей жизни. Личностей, высоко развивших у себя качества самоэффективности, А. Bandura называет продюсерами или режиссерами-постановщиками. Если люди, не доверяющие себе, присваивающие главным образом неудачи и промахи, могут лишь предвидеть свое будущее, то верящие в себя субъекты преимущественно создают свое будущее [39].

С точки зрения А. Маслоу, зрелая личность должна обладать спонтанностью, способностью к экспрессии, незапланированности, произвольности, доверию, непредсказуемости, творчеству и т.д. Соответственно жизненные цели и образ будущего должны включать в себя элементы неопределенности, а сама личность должна быть готова действовать в условиях неизвестности [25].

Современные исследования показывают, что образ будущего является сложным феноменом, имеющим собственную структуру и динамику развития.

К.А. Абульханова предлагает различать психологическую, личностную и жизненную перспективу как три различных понятия [1]. Л.И. Анциферова производит описание возможного будущего на основе имеющегося жизненного опыта и выделяет следующие его структурные составляющие: индивидуальная модель мира; мировоззрение личности; жизненная позиция, которая фиксирует процессы самоопределения личности; образ жизни, являющийся формой хранения в социальном опыте личности ее стиля самоорганизации жизни. При этом опыт может быть ригиден, но он всегда уникален, представляет интеграцию жизненного пути субъекта [3].

Опираясь на идеи П. Герстмана, М.Р. Гинзбург предложил разделять временное будущее и смысловое будущее. Исследования временной перспективы имеют принципиальные ограничения, связанные с тем, что в них психологическое будущее мыслится линейно, накладывается на хронологическое время. Смысловое же будущее (ценности) ортогонально временной оси, не зависимо от нее [11–13].

Я.Б. Частокленко считает, что процесс создания нового (в том числе постановка новых жизненных целей, формирование образа будущего) происходит в форме встречи с неизвестностью, которая включает в себя:

1. Столкновение, которое субъективно оценивается как препятствие и приводит к внутреннему конфликту. В результате происходит либо отторжение – бегство, либо преодоление возникших негативных явлений.

2. Собственно встречу человека и неизвестности, при которой образуется уникальная целостность, взаимное принятие их, «врастание» друг в друга, что дает начало порождению новой сущности.

При этом процесс формирования образа будущего можно условно разделить на два этапа: первичный образ будущего – вдохновенный, включающий только общие черты, наполненный большой эмоциональностью; вторичный образ будущего – детализированный и имеющий конкретную предметную форму [36].

Таким образом, мы можем отметить несомненную запутанность и противоречивость подходов к описанию возможной структуры образа будущего. Это еще раз подчеркивает сложность рассматриваемой проблемы и отсутствие в настоящем возможности ее простого решения.

Формирование образа будущего проявляется в постоянном разрешении противоречия между той сложной живой системой, которую представляет человек, и социальными, техническими и прочими системами. Задачей личности становится в самом широком смысле приведение в соответствие (конечно, в относительных пределах) своих возможностей и ограничений с условиями внешнего мира.

Образ будущего связан с комплексным пространством функционирования человека, складывающимся из природных, психических, личностных условий его функционирования, с одной стороны, социальных условий (во всей конкретности этого понятия) – с другой, и способов организации жизнедеятельности – с третьей.

Исходя из понимания образа будущего не как идеала, а как постоянного движения к нему, можно сказать, что нас, прежде всего, занимает соотношение реальности и идеала, реальных и оптимальных моделей. В отличие от теории управления, которая нормативно приписывает всем системам – техническим, институциональным, человеческим – более оптимальные способы организации, психология образа будущего ставит целью лишь содействие личности в поиске более оптимального способа организации собственной жизни. В этом смысле она не нормативная, а гуманитарная, целостная, гуманистическая, содействующая.

Рассматривая образ будущего в динамическом контексте и изучая закономерности его формирования, мы не можем обойти вопросы соотношения процессов построения образа будущего и общей активности личности.

В психологической литературе длительное время велись дискуссии о том, как следует понимать активность –

как нормативное или сверхнормативное образование, как общественную направленность или способ удовлетворения потребностей и т.д. Однако при этом практически не учитывались такие личностные характеристики активности, как образ потребного будущего, смыслы, удовлетворенность существующей ситуацией [31].

«Ядром» процесса постоянного изменения является столкновение с неизвестностью, с неопределенной ситуацией. D. Sarr выделяет четыре стадии реакции на неизвестность, которые реализуются в любом творческом процессе, в том числе, на наш взгляд, и при построении образа возможного будущего:

1. Отказ (отрицание).
2. Рационализация (имитация достижения результата через репродуктивные варианты действия).
3. Принятие стагнации (признание собственной не состоятельности).
4. Новый рост [43].

Сегодня, основываясь на достижениях естествознания, считают одинаково верными, точнее – взаимодополняющими, формулы «бытие определяет сознание» и «сознание определяет бытие». Принимается как данность утверждение о том, что «человек – демиург, творец своего настоящего и будущего, вынужденный считаться с законами окружающего мира, использовать эти законы для достижения поставленных целей [35. С. 9]. В связи с этим происходит переосмысление и дальнейшее развитие представлений о сущности человека, о разрывании им полноты своей человеческой сути как его функции, о значении этого процесса обновления «мира человека» – и его души и очеловечивания окружающей реальности, о своеобразной сложной природе человека, его самопреобразовании как источнике возвышения его субъектности [14].

Однако рассмотрение данной проблематики в таком контексте порождает и ряд проблем, которые носят, прежде всего, методологический характер. Рамки классической психологии чаще всего не позволяют глубоко и детально изучить рассматриваемые нами феномены.

Как отмечает видный российский методолог Б.Г. Юдин, «научное познание некоторого объекта – это, по сути дела, его теоретическое воспроизведение, в свою очередь, теоретическое воспроизведение можно истолковать как объяснение, осуществляемое специфическими средствами и опирающееся на специфическую систему оснований» [9].

В настоящее время в психологии во многом меняются представления о природе человека, его сущности и вместе с этим меняются представления о характере его взаимодействий с миром. Это происходит через трансформацию методологических основ психологии, эволюционные изменения устоявшихся методологических подходов, введение новых понятий и конструктов, обрамленных в контуры новых концепций и теоретических моделей. Активизировалась работа по методологи-

ческому осмыслению основания психологии и построению нового ее образа, что в российской психологии выразилось в первую очередь в возрождении принадлежащей Л.С. Выготскому идеи «неклассической психологии», получившей в последние годы содержательное наполнение в работах А.Г. Асмолова и Л.Я. Дорфмана, а также в идеях «органической психологии» (В.П. Зинченко) и «постмодернистской психологии» (J. Shotter, K. Gerden) [10, 20, 26, 27, 32].

Предлагаемые новые подходы в рассмотрении описываемых нами проблем выдвигают в качестве ведущего метода исследования качественный метод. В качественных исследованиях на первый план выходит субъективный смысл рассматриваемых феноменов, взгляд на них с точки зрения испытуемого (наблюдаемого, респондента и т.д.).

Субъектная ориентированность данного подхода заставляет по-новому охарактеризовать принятые нормы объективности. В качестве основного критерия объективности вводится понятие «подтверждаемость» (conformability). Поскольку качественное исследование отличается уникальностью, индивидуальностью исследовательского взгляда, данный параметр оценивает, в какой степени полученные результаты могут быть подтверждены другими исследователями. При этом выдвигается требование постоянно меняющегося контекста исследования.

В результате под валидностью качественных методов понимается то, насколько участники исследования оценивают его результаты как заслуживающие доверия и правдоподобные (ибо целью являются описание и понимание феномена глазами участников), и они являются единственными, кто может оценить его достоверность. Надежность же, традиционно характеризующая постоянство и повторяемость результатов, неприменима к качественным исследованиям, где инструментами измерений служат в основном наблюдения и интервью: измеряя второй раз, мы всегда измеряем новый объект. В качестве некоторого критерия надежности R. Chenail предлагает точное и подробное документирование всей процедуры исследования, чтобы логика решения на любом уровне абстрагирования оставалась прозрачной [40, 41].

С целью увеличения объективности результатов рекомендуется также применение нескольких различных типов данных или методов их сбора, когда каждый из них раскрывает некоторый аспект эмпирической реальности, а также привлечение нескольких исследователей для изучения одной проблемы [19, 23].

Применение предлагаемых нами принципов позволяет осуществить осмысление имеющегося эмпирического материала, не упрощающего видения «личностного бытия и не вырывающего личность из жизненного контекста» [24], результатом же может и должно стать выделение адекватных категорий анализа и создание концептуальной модели изучаемых феноменов.

Все вышесказанное позволяет нам говорить о том, что в настоящее время созданы методологические предпосылки, позволяющие оптимистически оценить возможную перспективу конструктивного взгляда в решении обрисованной нами сложнейшей проблемы влия-

ния процессов формирования образа возможного будущего на совершение личностью жизненных поступков, приводящих к ее саморазвитию и самореализации в рамках рассмотрения человека как открытой самоорганизующейся системы.

Литература

1. Абульханова-Славская К.А. Психология личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 299 с.
2. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. М.: Наука, 2000. 350 с.
3. Анциферова Л.И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысление, преобразование ситуации и психологическая защита // Психологический журнал. 1994. Т. 15, № 1. С. 3–19.
4. Асмолов А.Г. По ту сторону сознания: Методологические проблемы неклассической психологии. М.: Смысл, 2002. 480 с.
5. Бахтин М.М. Человек в мире слова. М.: Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. 140 с.
6. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности. М.: Моск. психол.-соц. ин-т; Флинта, 1999. 310 с.
7. Бернштейн Н.А. Очерки по физиологии движения и физиологии активности. М., 1947.
8. Братусь Б.С. Психология личности // Психология личности: Хрестоматия: В 2 т. Самара, 1999. Т. 2. С. 385–456.
9. Брушлинский А.В. Субъект: мышление, учение, воображение. Москва; Воронеж: МОДЭК, 1996. 380 с.
10. Выготский Л.С. Психология искусства. Ростов н/Д, 1998. 320 с.
11. Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. 1988. № 2.
12. Головаха Е.И. Жизненная перспектива и самоопределение молодежи. Киев: Наукова думка, 1988. 144 с.
13. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. 208 с.
14. Джидарьян И.А. Категория активности и ее место в системе психологического знания // Категории материалистической диалектики в психологии. М., 1988. С. 56–88.
15. Кассирер Э. Избранное: Опыт о человеке. М., 1998. 700 с.
16. Кон И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М., 1984. 335 с.
17. Левин К. Теория поля в социальных науках. СПб.: Сенсор, 2000. 368 с.
18. Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия. М.: Изд-во МГУ, 1994. 267 с.
19. Леонтьев Д.А. Психология смысла. М.: Изд-во МГУ, 1999. 533 с.
20. Личность: внутренний мир и самореализация: Идеи, концепции, взгляды / Сост. Ю.Н. Кулюткин, Г.С. Сухобовская. СПб., 1998. 175 с.
21. Личность: теории, эксперименты, упражнения. СПб., 2001. 864 с.
22. Логинова Н.А. Психобиографический метод исследования и коррекции личности. Алматы: Казак университети, 2001. 172 с.
23. Ломов В.Ф. Системность в психологии. Москва; Воронеж, 1996. 383 с.
24. Макушинский А. Современный «образ мира: действительность» // Вопросы философии. 2002. № 6. С. 119–137.
25. Маслоу А. Психология бытия. М.: Рефл.-бук.; Ваклор, 1997. 300 с.
26. Мясищев В.Н. Психология отношений. Москва; Воронеж, 1995. 357 с.
27. Огнев А.С. Теоретические основы психологии субъектогенеза. Воронеж: Изд-во ВФ РАГС, 1997. 121 с.
28. Оруджев З.М. Философия прошлого (или понятие прошлого не в обыденном смысле) // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 2002. № 3. С. 23–26.
29. Пастернак Н.А. Внутренний план действия как показатель общего развития личности // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 82–90.
30. Проблема субъекта в психологической науке / Отв. ред. А.В. Брушлинский. М.: Академический проект, 2000. 320 с.
31. Роджерс К.Р. Консультирование и психотерапия: Новейшие подходы в области практической работы / Пер. с англ. О. Кондрашевой, Р. Курчаковой. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 464 с.
32. Рубинштейн Л.С. Человек и мир. М.: Наука, 1997. 189 с.
33. Соловьев О.В. Моделирование будущего, или Человек и его сознание в структуре субъективной реальности. Луганск: Изд-во Восточноукраинского гос. ун-та, 1997. 324 с.
34. Сохань Л.В., Кириллова М.В. Жизненная программа личности как способ сознательной организации ее жизнедеятельности // Стиль жизни личности: Теоретические и методологические проблемы. Киев, 1982. С. 228–255.
35. Украинцев В.Н. Жизненные перспективы личности // Жизненный путь личности. Киев, 1987. С. 217–225.
36. Частокотенко Я.Б. Динамические особенности первичного творчества. Томск: Том. политехн. ун-т, 2005. 266 с.
37. Юнг К.Г. Человек и его символы. М., 1997. 368 с.
38. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат, 1991.
39. Bandura A. Social Foundations of Thought and Action: A Social-Cognitive Theory. New Jersey, 1986.
40. Fraisse. Psychologie du temps. Paris: Pres. Univ. France, 1957. 326 p.
41. Neugarten Bh., Hagestad G.O. Age and the life course // Handbook of aging and the social sciences / Ed. by R.H. Binstock, E. Schanas. N.Y.: Litten Edu. publ., 1976. P. 35–55.
42. Nuttin J.R. The future time perspective and motivation and learning. Lauven: Lauven University press; Hilisdale (N.Y.): Lawrence Erlbaum Associates, 1985. 235 p.
43. Sapp D. The point of creative frustration and creative process: a new look at old model // Journal of creative behavior. 1992. № 26(1). P. 21–28.

THE FUTURE MODEL'S STUDYING: THE METHODOLOGICAL PROBLEMS AND THE WAYS OF THEM SOLUTION
Petrova V.N. (Tomsk)

Summary. In the article there are considered the main theoretical points of view to future model's studying, the life plans forming specific. Are discusses the problems of modern methodological points of view creates in this sphere.

Key words: the future model; life plans; the methodological problems in the future model research.